

Государственная
библиотека
С. С. Ф. Ф.
имени
В. И. Ленина

МУРЗИЛКА

№-2

Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов

ФЕВРАЛЬ
1951

Н. САКОНСКАЯ

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

ДОМ, В КОТОРОМ Я ЖИВУ

Это что за корпуса
Поднялись под небеса?
Это новые дома:
Корпус «Б» и корпус «А».

В них квартир, наверно, двести.
Всё удобно, всё на месте:
Газ, и ванна, и балкон,
Отопление, телефон...

Если вам, положим, надо
Получить в кино билет,
Заказать продукты на дом,

Чтоб сварить из них обед, —
Позвоните, и тотчас
Будет выполнен заказ.

Так и блещет чистотой
Кухня с газовой плитой.
Не пройдёт и двух часов,
Как обед у вас готов.

Высоко, под облаками,
В нашем доме я живу.
Вижу, словно в панораме,
Я с балкона всю Москву.

Всю Москву в садах зелёных,
Школы, фабрики, мосты,
И дворцы, и стадионы
Небывалой красоты,
И метро невдалеке,
И байдарки на реке.

А когда бывает праздник,
Мне с балкона всех видней
Миллионы синих, красных
Переливчатых огней.

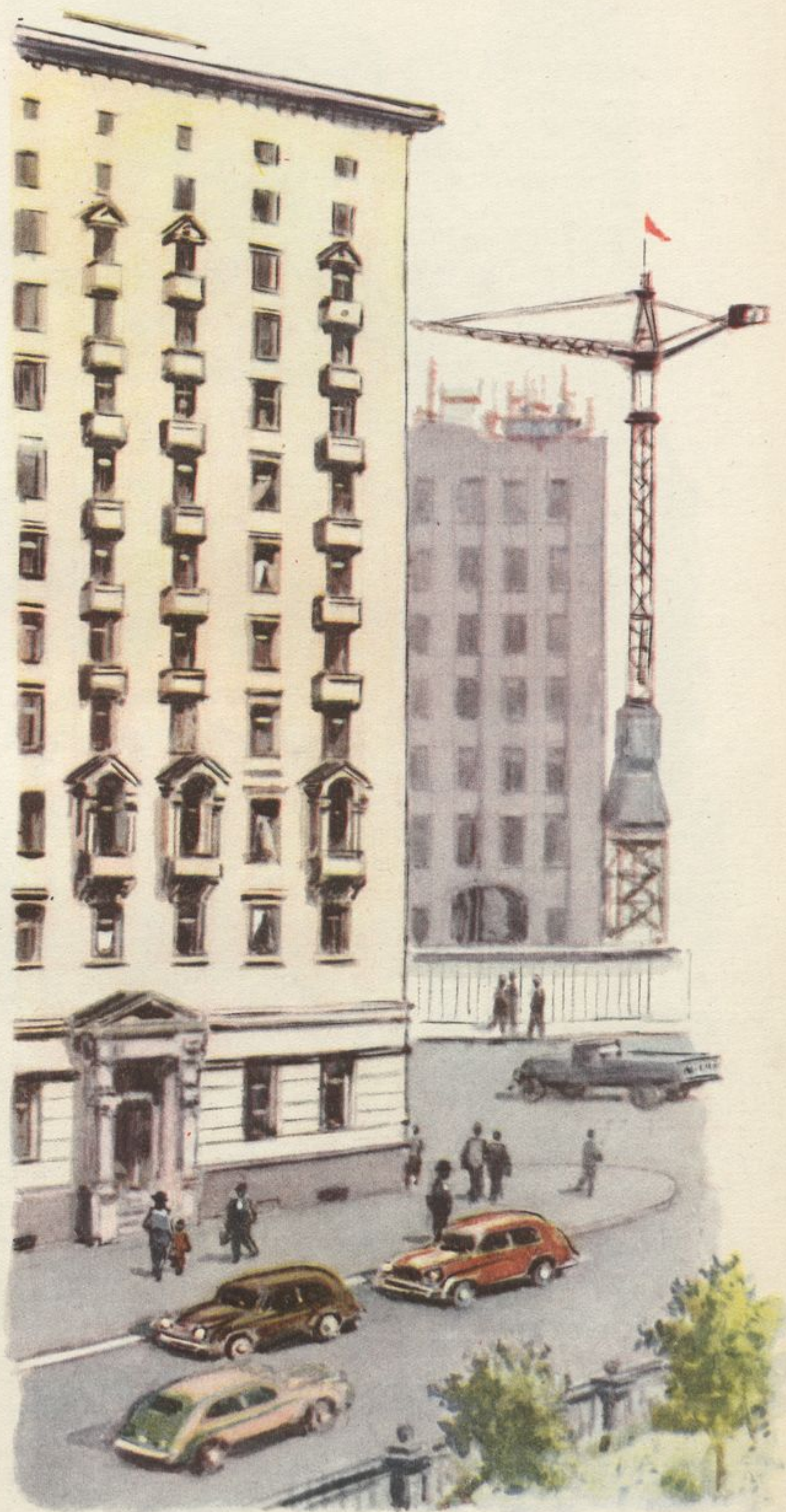
Но пешком до этой вышки
Очень трудно с непривычки
Добираться самому,
Да оно и ни к чему.
Если, скажем, по ступеням
Я взбираться не хочу,
Сяду в лифт, и за мгновенье,
Как по щучьему веленью,
Я до места докачу.

Поднимусь я на площадку,
Раз-другой пройду по ней;
Постлан коврик для порядка
Возле каждой из дверей:

На дверях железный ящик,
Снизу крошечный замок,
Рядом с ящиком — блестящий
Электрический звонок.

Нету правила такого,
Чтобы в лифте ехать вниз.
На прогулку или в школу
Сам спускайся, не ленись.

Дверь парадная открыта.
Я на улицу иду.

Всё кругом росой умыто,
Зелень свежая в саду.
А красивый этот сад
Здесь посажен для ребят.

В нём вокруг песочной
горки
Суетятся малыши.
А вверху до поздней
зорьки
С криком носятся стрижи.

Вдоль дорожки я шагаю.
Садик слева огибаю,
Дохожу до магазина,
Что подальше, за углом.
Две блестящие витрины,
Сверху надпись: «ГАСТРОНОМ».

До чего наш дом громадный!
Занимает весь квартал.
Целых семь дверей парадных,
Проходя, я насчитал.

Я дошёл до перекрёстка,
Поглядел на светофор,
У газетного киоска
Завернул к себе во двор.

Лучший дом у нас в районе
Тот, в котором я живу.
Вот стою я на балконе,
Вижу неба синеву.

Звёзды алые блистают
Над кремлёвскою стеной.
Их зажжёт великий Сталин
Над Советскою страной.

АНДРЕЙ ШМАНКЕВИЧ

Рис. В. БОГАТКИНА

ПОСТОРОННИЙ ЧЕЛОВЕК

Если послушать Стёпика, то выходило, что вся его жизнь состояла из подвигов и приключений. Выходило, что даже самые обычные вещи умел он делать так ловко, как другой ни за что не смог бы сделать. Ну, что тут, например, особенного — заколачивать гвозди в забор? А Стёпик рассказывал про это так:

— Вчера мы с папой забор делали. Доски нам попались, как из железа, — гвозди гнутся, а не лезут. Папа целый час с одной доской возился, ящик гвоздей погнул, а всё прибить не может. «Попробуй-ка, — говорит, — ты, Степан. Ты у нас мастер». Я взял молоток, гвоздь, нацелился хорошенько да как дам! Так гвоздь по самую шляпку и влез в доску. Хотел я ещё раз ударить, да папа не дал. «Хватит, — говорит, — а то он ещё на другую сторону проскочит».

Рассказывать Стёпик умел так убедительно, что многие ребята верили ему, особенно когда они ещё были в первом классе. Во втором верили уже

меньше, в третьем почти совсем перестали верить. А после одного рассказа все стали звать его бароном Мюнхгаузеном, и всякий подозрительный рассказ стали называть «Стёпиковым рассказом». Даже стали просить:

— Стёпик, чтобы посмеяться, расскажи что-нибудь! Ну, как ты крокодилов ловил на удочку, или как ты слона подстрелил, когда тебе было три месяца и девять дней...

Дело в том, что Стёпик как-то рассказал ребятам, что он поймал в лесу дикого поросёнка. Поросёнок стал отчаянно визжать, свинья услышала визг и прибежала к Стёпику, а за ней ещё девять поросят. Стёпик не растерялся и привёл всё семейство прямо в пионерлагерь.

— Врёшь, Стёпик. Не было такого! — закричали ребята. — После войны мы всегда все вместе ездили в лагеря!

— А это ещё до войны было, — выпалил, не подумав, Стёпик.

Ребята тут же принялись считать, сколько Стёпику было до войны лет. Вышло, что лет совсем не было. Были только месяцы. Он родился в сорок первом году, весной.

— Знаешь что, Стёпик, — сказал ему Вася Рыбачек, сосед по парте, — на словах я тоже могу быть героем, могу сказать, что пешком на Луну вчера ходил... А на деле... Ты на деле докажи, что ты герой.

— И докажу, докажу! — кричал Стёпик.

Целый месяц он ходил, насупившись, сторонясь всех.

Но однажды Стёпик пришёл в класс в приподнятом настроении и на большой перемене, как бы между прочим, сказал, что на днях к ним приходил заведующий метеорологической станцией и попросил его, Стёпика, помогать запускать радиозонды, что он согласился и теперь является сотрудником метеостанции.

— Сочиняешь, Стёпик... — не поверили ребята.

— А вот не сочиняю. Приходите — и увидите.

На последнем уроке Стёпик шепнул Васе:

— Сегодня будем запускать тройной зонд.

— Как это — тройной?

— Три шара сразу, да ещё с приборчиком... — Стёпик показал руками величину приборчика. — Вот приходи к шести часам и сам всё увидишь. Во двор заходить там нельзя, но можно смотреть с улицы. Приходи.

Вася уже не раз видел, как на метеостанции запускают зонды, но всегда в небо поднимался всего только один шар. Сотрудники следили за его полётом через

специальный прибор, вроде того, в который смотрят, когда начинают что-нибудь строить и составляют план.

До метеостанции от Васиного дома было не близко, но всё-таки Вася пришёл к шести часам, как велел Стёпик. Белое здание станции стояло совершенно отдельно от других домов, дворик станции был огорожен штакетным заборчиком. Во дворе на белых столбиках высились белые домики, вроде голубятен. Вася знал, что в этих домиках установлены разные приборы, и ему уже давно хотелось взглянуть на них хоть одним глазком. От-

дельно, на самой середине двора, был установлен на треноге прибор, через который следят за полётом шаров. Ни Стёпика, ни сотрудников во дворе не было.

Вася ждал долго, чуть не час, и уже хотел уходить, но тут в сарайчике рядом со станцией что-то сильно зашипело. Так шипело всегда перед запуском шаров. Сегодня шипело очень долго.

Наконец из дверей сарайчика выплыл большой матовый шар, за первым показался второй, такой же матовый, за вторым — третий. Третий был красного цвета, вроде тех, что продают по праздникам на улицах.

Покачиваясь, шары проплыли на середину двора. Следом за шарами шёл сам «заведующий погодой», так в шутку называли Семёна Васильевича, заведующего метеостанцией. Он нёс в руке маленький чёрный ящичек.

Вдруг шары остановились, немного приподнялись, и Вася увидал Стёпика. Он стоял такой важный, такой надутый, что сам походил на шар. Васю он как будто и не замечал.

Семён Васильевич прикрепил чёрный ящичек к шарам, отошёл к прибору на треноге и скомандовал:

— Пускай!

Шары рванулись вверх, покачиваясь и перемешиваясь, точно прилаживаясь, как им удобнее лететь втроём. Наверно, чёрный ящичек был для них не тяжёлым грузом: они стремительно несли его в небо.

Сначала шары поднимались вверх, а затем, всё ускоряя полёт, понеслись в сторону моря, туда, где солнце опускалось к воде. Семён Васильевич, припав глазом к трубке прибора, следил за ними и что-то записывал в блокноте.

Калитка была полуоткрыта, и Вася, неожиданно для самого себя, очутился рядом со Стёпиком. Стёпик стоял, широко расставив ноги, смотрел на шары и тоже что-то торопливо записывал в своём блокноте. Увидав Васю, он захлопнул блокнот и строго сказал:

— Куда идёшь? Посторонним вход воспрещён. Написано ведь.

Семён Васильевич взглянул на Васю и приветливо улыбнулся:

— Стёпа у нас человек строгих правил. Но если его попросить, я думаю, он разрешит остаться.

Вася понял, что заведующий шутит, и спросил:

— Разве он здесь самый главный?

— А как же! На нём все наши радиозонды держатся.

Стёпик поджал губы. Весь вид его говорил: «Слыхал? А вы все считаете, что Стёпик так себе человек».

Семён Васильевич, откручивая прибор, продолжал:

— Да, да... На нём держатся все шары. Пока он держит их за нитку, они никуда, а как только отпустит... Да вас, наверно, надо познакомить?

— Мы с ним на одной парте сидим, — ответил Вася.

Семён Васильевич удивлённо посмотрел на Стёпика.

— Ну вот, Стёпа, а ты уверял, что никто не придёт.

Стёпик покраснел, зло посмотрел на Васю и буркнул:

— А я, Семён Васильевич, и без посторонних справлюсь...

Заведующий усмехнулся, покачал головой.

— Видишь ли, дружок, мы тоже сами без твоей помощи прекрасно бы справились с запуском шаров... Но договор-то у нас был совсем другой. Мы говорили о кружке...

— О каком кружке, Семён Васильевич? — спросил Вася.

— О кружке юных любителей метеорологии. Мы договорились со Стёпой, что он, как староста вашего класса, организует такой кружок. Мне казалось, что это будет для вас и полезно и интересно.

У Васи уже готово было сорваться с языка, что Стёпик никогда не был старостой, но Стёпик так умоляюще на него посмотрел, у него был такой жалкий вид, что Вася не решился сказать правду.

— Мы обязательно организуем такой кружок... Обязательно... — пробормотал он, краснея. — Все ребята запишутся, все до единого...

— Все — это много. Лучше, если в кружок войдут те, кого это интересует по-настоящему, а не только с внешней стороны, — перебил Васю Семён Васильевич. — Это будет не игра с шарами, а настоящий, полезный и интересный труд.

— А вы расскажите нам, что это за прибор, который вы привязали к шарам? — спросил Вася.

— А ты и прибор заметил? Похвально, похвально. Очень люблю любознательных ребят. Вот видишь, Стёпа, а ты назвал

его посторонним человеком. Посторонним человеком следует называть такого человека, которого это дело не интересует или интересует только так... — Семён Васильевич покрутил пальцами в воздухе и посмотрел на Стёпика, — с показной стороны...

Хотя Семён Васильевич говорил немного непонятно, но ребята хорошо его поняли.

— А прибор этот — наш воздушный разведчик. Вот мы его уже не видим, а он летит в небе и докладывает нам: куда дует ветер, какая вверху температура, какая влажность.

— По радио... — догадался Вася.

— Да, по радио. Потом я вам всё подробно объясню, сейчас мне некогда. А насчёт кружка считаю, что мы договорились окончательно.

— Окончательно, — подтвердил Вася.

Сумерки сгущались по-южному быстро. Над морем потухала заря, над горами за бухтой зажглись первые звёзды. В окнах станции вспыхнул свет.

Несколько минут ребята стояли молча. Наверное, Стёпику стыдно было заговорить первым. Первым заговорил Вася.

— У нас найдётся человек шесть таких ребят, которые будут работать по-настоящему.

— Это мы посмотрим ещё, кого принять... — пробурчал Стёпик.

— Кто это мы? — рассердился Вася.

— Сотрудники... — ответил Стёпик и сморщил нос. — Ты иди, а мне ещё надо проверить баллоны. Не закроешь как следует вентиль, и будет утечка газа...

Стёпик хотел уйти, но Вася схватил его за рукав.

— Нет, подожди, Стёпик! Сначала ответь: почему ты никому ничего не сказал про кружок?

Стёпик хотел вырвать руку, но Вася держал крепко.

— Это совсем будет неинтересно, когда все... — сказал он, наконец, почти шопотом. — То бы мы только вдвоём приходили...

— Вдвоём? — перебил его Вася. — Да если ты хочешь знать, я больше сидеть с тобой на одной парте не стану. И всем ребятам расскажу и про старосту и про кружок...

Вася отшвырнул Стёпикову руку и решительно зашагал к калитке.

Стёпик ещё долго стоял, не двигаясь, опустив голову, посредине двора. С Мархотского перевала дохнуло холодным ветром. Норд-ост, гулявший днём высоко в небе, опускался на землю.

Стёпик поёжился, застегнул пальтецо и осмотрелся, точно не понимая, где он находится. Неожиданно он увидел свой блокнот, валявшийся под окном метеостанции. Стёпик поднял его и раскрыл. Блокнот был чист. Только на первой странице было нацарапано несколько строчек каких-то крючков и закорючек. Это Стёпик нацарапал тогда, когда Вася смотрел на него с улицы. Записывать Стёпику было нечего, просто ему хотелось удивить Васю.

Ветер приподнял страничку и хотел перевернуть, но Стёпик поймал её, вырвал из блокнота, скомкал, отшвырнул в сторону и побрёл со двора.

У калитки он остановился. Ветер старался сорвать плохо прибитую к штакетнику табличку. Было уже темно, но ещё можно был прочесть на табличке: «Посторонним вход воспрещён». Стёпик несколько раз вслух прочёл эти три слова. И вдруг, набрав полную грудь воздуха, закричал:

— Вася! Ва-а-а-ся! — и бросился в темноту догонять друга.

В. ЧАПЛИНА

Рис. В. ТРОФИМОВА

О Р Л И К

Я сидела на маленькой деревянной пристани и ждала пароход.

В последний раз любовалась я на Онежское озеро, на места, где провела лето. Вот вдали, на той стороне залива, видна и деревенька, в которой я жила, а ближе сюда — острова.

Как красиво раскинулись они по заливу! Я смотрела на них, стараясь запомнить их дикую красоту. Но тут моё внимание отвлекла лодка. Она показалась из-за небольшого острова, и на ней, как вкопанная, слегка повернув голову, стояла лошадь.

Меня удивило такое спокойное поведе-

ние животного. «Наверное, привязанная», — подумала я и стала наблюдать за приближением лодки.

Вот она подошла уже совсем близко. Сидевший в ней старик затормозил вёслами и тихо подвёл лодку к берегу. Потом вылез и, поддерживая борт, сказал, обращаясь к лошади:

— Но но, Орлик, пошёл!

И тут я увидела, что Орлик вовсе не на привязи. Услышав приказание хозяина, он послушно переступил через борт, вышел на берег и, пока старик вытаскивал на сушу лодку, терпеливо его дожидался.

Я подошла к старику и спросила, как он

не боялся везти в таком шатком судёнышке лошадь, да ещё без привязи.

— Была б другая, может, и побоялся, — сказал он. — А наш Орлик ко всему привычен, недаром к нам с фронта попал. После войны, по распределению, нашему колхозу достался. Как приехал я лошадей выбирать, мне сразу он приглянулся. И боец тоже мне взять его советовал. «Бери, — говорит, — отец, Орлика, — хорошая лошадь, не пожалеешь. Да береги его, он своего хозяина — нашего связного Антонова — от смерти спас».

— А как же он его спас? — заинтересовалась я.

Старик закурил трубку, уселся на камень и не спеша рассказал мне, всё, что знал сам.

Это было на Карельском фронте. Антонов служил там связным. Лошадь у него была красивая, статная и на ходу быстрая. С первого же дня полюбилась она ему.

К тому же лошадь оказалась очень умной. Как собака, ходила она за своим хозяином: он на кухню — она следом идёт, он к командиру — и она у блиндажа стоит, дожидается.

Потом она ещё умела снимать шапки. Наверное, её ребяташки в колхозе воспитывали и этому научили.

Бывало подойдёт к бойцу, снимет зубами шапку и ждёт, когда угощение за это получит. Тут, конечно, смех, веселье, кто ей сахару даст, кто хлеба.

Скажет ей Антонов: «Шапку сними, шапку!» Она только гривой махнёт и галопом к бойцам скачет. Подбежит, снимет с кого-нибудь ушанку и к хозяину несёт.

И ведь какая понятливая была! Знала, что хозяину отдать надо; по дороге не уронит и сама в чужие руки не дастся. Принесёт и около Антонова положит.

— Ну и умница, — говорили про неё бойцы, — с такой лошадейю не пропадёшь.

Действительно, вскоре их слова оправдались.

Однажды зимой нужно было срочно доставить в штаб донесение. Через лес проехать было невозможно: кругом непролазные заросли, бурелом. Пешему итти слишком долго, а единственная дорога второй день обстреливалась врагом.

— Надо срочно доставить в штаб донесение, — сказал командир, передавая Антонову пакет.

— Есть срочно доставить в штаб донесение, — повторил Антонов, спрятал на груди пакет, вскочил на коня и помчался.

Много раз приходилось ему ездить по этой фронтовой дороге, но теперь, за эти два дня, она сильно изменилась: всюду виднелись глубокие воронки от снарядов, поваленные деревья.

Всё чаще и чаще над головой связного со свистом пролетали снаряды и глухо рвались на дороге. Антонов спешил скорее добраться до узкой лесной тропинки, которая шла стороной от дороги, и торопливо подгонял лошадь.

Но умное животное спешило и так. Можно было подумать, что лошадь понимает и торопится сама проскочить опасное место.

Уже виднелся и поворот на тропинку. Вот она совсем близко. Послушный поводу, конь перепрыгнул через дорожную канаву и, сбивая с веток снег, поскакал по тропинке.

Новый снаряд разорвался где-то совсем рядом, но взрыва Антонов уже не слышал. Раненный осколком в грудь, он некоторое время ещё держался в седле, потом мягко сполз в снег.

Очнулся Антонов оттого, что кто-то слегка трогал его за щеку. Он открыл глаза. Рядом стояла его лошадь и, нагнув голову, прихватывала губами его лицо.

Антонов хотел приподняться, но резкая боль заставила его со стоном опуститься.

Лошадь насторожилась и, нетерпеливо переступая ногами, заржала. Она никак не могла понять, почему её хозяин лежит и не хочет встать.

Несколько раз терял Антонов сознание и снова приходил в себя. Но каждый раз, открывая глаза, видел стоявшую рядом лошадь.

Ему было приятно и вместе с тем тяжело видеть около себя своего четвероногого друга. Тяжело потому, что если бы конь ушёл, он, наверное, вернулся бы в часть. Увидев лошадь, там сразу бы догадались, что со связным что-то случилось и пошли бы его искать. А главное — его мучило непередаваемое донесение.

Антонов лежал, не в силах даже повернуться. И мысль о том, как отогнать от себя лошадь и заставить её уйти, не покидала его.

Обстрел дороги, повидимому, кончился, и, как всегда после обстрела, кругом стояла какая-то необыкновенная тишина.

Но что это? Почему его конь внезапно встрепнулся и, вскинув голову, тихонько заржал? Так он вёл себя, если чувствовал приближение лошадей. Антонов прислушался. Где-то в стороне дороги послышались скрип полозьев и голоса.

Антонов знал, что враг здесь быть не мог, — значит, это наши. Надо им крикнуть, позвать их. И, пересиливая боль, он поднялся на локти, но вместо крика у него вырвалось что-то вроде стога.

Осталась одна надежда на лошадь, на его умную, преданную лошадь. Но как заставить её уйти?

— Шапку, шапку! Принеси шапку! — шепчет через силу Антонов знакомые ей слова.

Она поняла, насторожилась, сделала несколько шагов в сторону дороги и нерешительно остановилась. Потом встряхнула гривой, заржала и, всё больше и больше прибавляя шаг, скрылась за поворотом тропинки.

Вернулась она обратно с шапкой. А через несколько минут послышался говор людей, и над Антоновым склонились три бойца, из которых один был без шапки. Они бережно подняли раненого связного и осторожно его понесли.

— Вот так и спас своего хозяина Орлик, — закончил старик свой рассказ и ласково потрепал Орлика по крутой шее.

ДЕНЬ СУВОРОВЦА

Прибрать кровать
И сразу — мыться!
Одеться,
Завтракать,
Учиться.

Кто офицером хочет стать,
Тот очень много должен знать.

**Звенит звонок:
Конец ученью,
Настало время развлечения!**

**Встаёт на лыжи взвод за взводом —
Готовься в юности к походам!**

**Дел у суворовца хватает;
Так, за делами, день растает.
Отбой!**

**Раздеться и — в кровать,
Чтоб завтра снова день начать.**

Е. ТРУТНЕВА

Рис. К. КАЩЕЕВА

СКРИПКА

В родных нетронутых лесах
Стояла ель, как на часах.
Была всех выше, всех стройней!
Буран любил поспорить с ней,
Под ней с волками бился лось,
Собой лосёнка заслоняя...
Мороз трещал, зверьков пугая,
Зимой знобил её насквозь.
Весной глухарь на зорьке пел;
Кострами полыхали зори;
Шло лето в праздничном уборе;
Гуляли грозы, гром гремел...
И крепла ель, и ствол темнел.

На юге, с морем по соседству,
Среди душистых диких роз
Кудрявый клён беспечно рос,
Весёлый и шумливый с детства.
Любитель песни соловьиной,
Он листья распускал весной.
Весёлый ливень в летний зной
Свергался на него лавиной.
Кленовый ствол за много лет
Насквозь был солнышком прогрет.
Он рос и креп в листве густой
И сам, как солнце, золотой!

Взял мастер ёлку, взял и клён...
Он в мастерство своё влюблён!
Он распилил их аккуратно,
Разрезал вдоль и поперёк.
Полоски, золотые пятна
В разрезах бережно сберёг.
Работал долго, терпеливо
И сделал скрипку всем на диво!
Нет в мире голоса нежней,
Как будто сердце бьётся в ней!
Ей наши отдали леса
Свои живые голоса.

С А Н К И

СЕРГЕЙ БАРУЗДИН

Рис. Ю. КОРОВИНА

Боря уже ложился спать, когда распахнулась дверь и в комнату вошёл папа. В руках у него были новые, сверкавшие яркожёлтой краской санки.

— Это тебе! — сказал папа.

Боря сначала даже рот раскрыл от удивления, а потом радостно подпрыгнул на кровати и закричал на всю комнату:

— Санки! Санки! У меня новые санки!

Долго он любовался папиным подарком, а когда совсем уже стал засыпать, спросил:

— А мы завтра на санках поедem в детский сад?

— Обязательно! — сказала мама.

Утром Боря проснулся рано. И хотя ему очень не хотелось вставать, он быстро сбросил с себя одеяло и начал одеваться.

Через полчаса они с мамой вышли на улицу. Боря сел на санки, мама взяла в руки верёвку и... санки поехали.

Шёл снег. Белые снежинки падали на Борину шубу, шапку, варежки и так ехали вместе с ним на санках.

Звенели трамваи, мчались машины, шли люди — и все они были покрыты снежными хлопьями. Даже дома стояли в больших белых шапках; снег покрыл крыши, подоконники, трубы.

— Вот здорово! — только и говорил Боря.

Они свернули с шумной улицы в тихий переулок и вскоре въехали во двор маленького двухэтажного дома. Здесь и был Борин детский сад.

— Санки мы оставим в детском саду, — сказала мама, — а вечером опять поедem на них домой.

В коридоре Боря отряхнул снег и поставил санки к стене. Потом он разделся, попрощался с мамой и побежал к себе, в старшую группу.

Здесь уже собрались многие ребята. Они о чём-то громко разговаривали с Марией Васильевной — воспитательницей старшей группы. Боре так хотелось скорей рассказать о папином подарке, что он даже забыл поздороваться.

— А у меня новые санки! Папа подарил! — закричал он.

— Здравствуй, Боря! — сказала Мария Васильевна. — Какие же у тебя санки?

— Пойдемте, покажу! — предложил Боря и первым выскочил в коридор.

Все вышли за ним.

— Хорошие санки, — сказала Мария Васильевна.

— Хорошие! — сказали ребята.

После завтрака все оделись и пошли гулять во двор. Мария Васильевна вынесла пять санок, которые были в старшей группе, а Боря — свои.

Стали ребята кататься с горки. Сначала Люда, за ней Витя, Коля, — все катаются по очереди, друг другу санки передают. Только Боря катается один на своих санках. И Мария Васильевна отошла в сторону и смотрит на ребят.

— Дай мне на твоих санках прокатиться! — просит Борю самый маленький мальчик в группе — Костя.

— Не дам! Это мои! — говорит Боря.

— Можно твои санки взять? — спрашивает Лена.

— Нельзя! Это мои! — отвечает Боря.

Увидели ребята, что Боря не даёт им санки, и не стали больше просить. Катаются по очереди на своих, общих. Все шумят, смеются, и Боря тоже смеётся.

Потом ребята стали друг друга на санках по двору катать. Боря тоже сел на свои санки и ждёт, когда его повезут. Но никто не подходит к нему.

— Костя, прокати меня! — кричит Боря.

Костя посмотрел на Борю и говорит:

— Я не хочу твои санки брать.

Боря слез со своих санок и подбежал к Лене:

— Лена, давай я тебя прокачу!

— Это твои санки, ты сам на них и катайся! — говорит Лена.

Все шумят, смеются, а Боря уже не смеётся. Много ребят во дворе, все играют, а Боря как будто один остался, никто к нему не идёт.

Подбежал он к Марии Васильевне и говорит:

— Я больше так не буду.

— Что не будешь? — спрашивает Мария Васильевна.

— Жадным не буду! — говорит Боря. — Пусть все ребята на моих санках катаются.

Тогда Мария Васильевна взяла Борю за руку и подвела к ребятам.

А через несколько минут Боря уже совсем забыл, какие санки его, какие не его.

Ведь хорошо, когда со всеми вместе играешь!

МЕТЕЛИЦА

Метелица,
Метелица,
То вихрится,
То стелется.

Зачем запорошила ты
Во всех домах окошки?
Зачем сравняла с клумбами
В саду у нас дорожки?

Пойди в поля широкие,
Укрой снегами озими,
Чтоб ветры не сушили их,
Морозы не морозили.

ВАЛЕНТИНА ПОПОВА

Строители.

Рис. Е. РАЧЁВА

Монгольские народные сказки

ЛЕГЕНДА О ЦОРЕ

Среди бескрайной степи, сбегая с гор, катила свои воды большая река.

Полого спускались к воде берега, широкие заводи заросли тростником. Когда ветер летел над рекой, звучным голосом запевала вода, вторил ей певучий тростник.

Каждый год молодой пастух, чьё имя забыто — так это было давно, — гнал через реку своё стадо — курчавых овец, круторогих коров, быстроногих верблюдов. Каждый год подолгу стоял он на берегу, как зачарованный, прислушиваясь к песне тростника.

Отломив тростинку, пастух пытался своим дыханием заставить её зазвучать. Но не трогала сердце песня мёртвого тростника, и с досадой отбрасывал прочь тростинку пастух.

Однажды по весне, когда с гор сбежали ручьями снега и река широко разлилась, вновь гнал пастух своё стадо через реку. Плыла среди стада верблюдица, белая, как

снег, плыл с ней её маленький верблюжонок.

Неспокойна, бурлива была река. И у самого берега свирепые волны захлестнули малыша с головой. С горестным воплем кинулась к нему на помощь мать, но поздно! Отнесло его на середину реки, и скрылся он под водой.

Сжалось от боли материнское сердце. Безутешно, отчаянно закричала мать...

И, как эхо, откликнулась, запела ей в лад скорбную песню тростинка, ожившая в руках пастуха...

Заслушались той песни и ветер, и река, и даже мать забыла своё горе, поддавшись чарам музыки...

Так появился цор — тростниковая флейта, что веками пела о горе аратов.

Давно это было. Ныне новые песни звучат в монгольской степи, и о радости поёт древний цор — о радости, побеждающей горе.

ВОЛК-ОБМАНЩИК

Жила-была Коза с козлятами, а по соседству с ней серый Волк. Всю жизнь жил он разбоем, да под старость у него зубы затупились — стал он на хитрости пу-скаться.

Ушла однажды Коза за сеном, а Волк обманом забрался к ней в дом и всех коз-лят её проглотил. Вернулась Коза, смот-рит—никого нет, а на полу клочок волчьей шерсти валяется. Догадалась она, куда её детки девались.

Пришла Коза к Волку и говорит:

— Отдавай моих козлят!

А Волк говорит:

— Не отдам!

— Не отдашь? — говорит Коза. — Ну, тогда будем мы с тобой биться не на жи-вот, а на смерть!

Испугался Волк и побежал к Кузнецу — зубы свои точить. Да на ту беду надумал он и Кузнеца обмануть. Взял он с собой мех — мешок такой кожаный — совсем пустой, только воздухом его надул, а в горлышко для виду косточку положил: мя-со, мол, внутри!

— Это, — говорит Кузнецу, — будет те-бе за работу плата.

Наточил ему Кузнец зубы. Волк и пошёл домой, даже спасибо не сказавши. Но об-ман всегда наружу выйдет! Как развязал Кузнец мех — косточка из горлышка вы-летела да ему губу рассадила. Рассердил-ся Кузнец, побежал за Волком вдогонку.

— Пстой, — кричит, — я тебе один зуб наточить забыл!

Воротился Волк, а Кузнец взял да ему

все зубы клещами вырвал. Взвыл Волк не-
своим голосом — и наутёк!

И Коза решила перед битвой рога свои
наточить. Пришла она к Кузнецу, тоже
мех с собой притащила, и просит:

— Наточи мне рога!

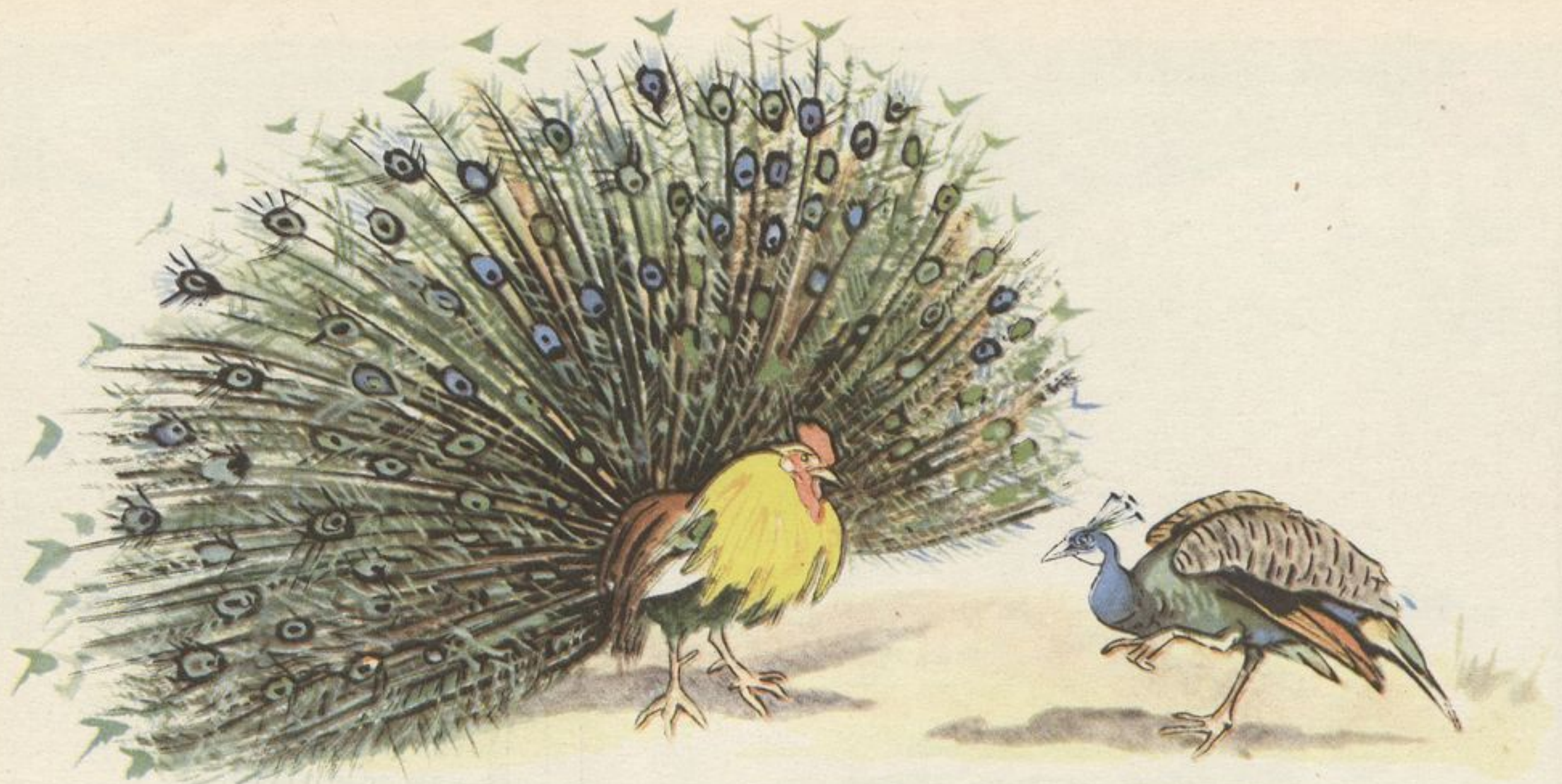
Кузнец ей сперва не поверил. «Давай, —
говорит, — плату вперёд». Развязал он
мех — видит, обмана никакого: полный

мех вкусной-превкусной простокваши.
Съел Кузнец простоквашу, сразу у него
сил прибавилось, и наточил он Козе рога —
лучше и нельзя!

Так наточил, что как стали утром Коза
с Волком биться, мигом она его этими
острыми рогами распорола. Распорола
его, козлят выпустила да ещё Волка на-
сквозь пропорола!

Поделом ему, серому разбойнику!

ПОЧЕМУ ПЕТУХ КРИЧИТ ТРИЖДЫ В НОЧЬ

В старину у Петуха был хвост самый красивый: синий, расписной, с разводами и узорами, а Павлин ходил кургузый. Был у него хвост — да так, не хвост, а одно недоразумение.

Завидовал Павлин Петуху. Вот однажды пришёл он к нему и просит:

— Петух, а Петух! Одолжи мне свой хвост, а то мне на свадьбу итти нужно, так охота принарядиться.

— Да что ты, — говорит Петух, — разве хвост одалживают?

— Да ведь я отдам! — говорит Павлин.

— А когда отдашь?

— Да как со свадьбы приду.

— А когда придёшь?

— Какая свадьба будет: вечером либо в полночь, а то, может, и до рассвета загуляем!

— Ну, лишь бы не позже, — говорит Петух, — а то меня утром куры засмеют.

Пообещал ему Павлин хвост вернуть. Отдал Петух свой хвост. Павлин расфуфырился — и был таков!

Сидит Петька без хвоста и ждёт-пождёт, когда Павлин со свадьбы вернётся. Вот и вечер наступил, солнце село, а Павлина всё нет.

Вскочил Петька на забор, покричал-

покричал — не идёт Павлин. «Должно быть, весело на свадьбе», — думает Петух.

Вот и куры спать легли, и Петух задремал. Дремлет, дремлет, а про свой хвост всё помнит. Глядь — полночь настала, темень — хоть глаз выколи. «Эх, — думает Петух, — как бы Павлин, со свадьбы идучи, не заблудился». Встрепенулся Петька и давай кукарекать. Кричал-кричал — нет, не идёт Павлин.

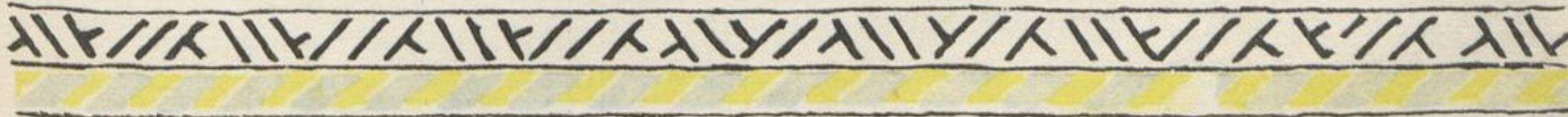
Опять задремал Петух, да не спится ему — хвост жалко. Снится ему, что Павлин со свадьбы идёт, а на него дорогой разбойники напали, Петькин хвост отобрали. Вскочил Петух на рассвете, как встрёпанный. Не пришёл ли Павлин? Нет! Опять закричал Петька:

— Ку-ка-реку! Павлинушка! Иди сюда!

А какое там сюда! Павлин за ночь до самых джунглей добежал да там и поселился. Поминай его, как звали.

Много лет прошло, много воды утекло, уж и новый хвост у Петуха вырос, а всё никак не может он успокоиться. Больно жаль ему старый хвост! Вот и кричит он с тех пор каждую ночь трижды — как знать, может, и вернёт Павлин Петькин хвост!

*Сказки записала В. Ключева,
обработал Борис Вест*

КОТ НЕ ЗНАЛ

На порог упал снежок —
Кот состряпал пирожок.
Пока жарил, пока пёк,
Пирожок водой истёк.

Кот не знал, что пирожки
Выпекают из муки.

Перевёл Г. Абрамов

Е. БЛАГИНИНА

В НЕНАСТНЫЕ ДЕНЬКИ

Я в ненастные деньки
Подрубить взялась платки.
Это надо делать чисто,
Медленно, без спешки.
И тогда края батиста
Схватит вязь мережки.
Были лоскуточки —
Сделались платочки...

Захочу, поставлю метку
В каждом уголке.
Или кружевцами я
Обошью легко края.

Скажет мама: — Что за
дочка —
Рукодельница моя!

ЗАГАДКИ

★

Два весёлых близнеца
Любят бегать без конца.
По дорожке гладкой
Мчатся без оглядки.
Правый выбежал вперёд,
Братец левый отстаёт.
Правый уступает,
Брата пропускает.
И опять бегут, спешат
Дружные ребята.
Обогнал один на шаг —
Уступает брату!
А дорогу близнецам
Дед Мороз построил сам.
Так дорогу сделал,
Чтоб зеркалом блестела!

★

На землю упало
Пуховое одеяло.
Весна настала,
И одеяла не стало.

★

И через омут брод,
Хотя не круглый год.

★

Зелёно-жёлтый,
в чёрненькой шубейке,
Не дальше Киева он
держит перелёт.
Его зовём мы «русской
канарейкой».
Он целый год безустали
поёт.

ЛЫЖНИКИ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ НА КУБИКЕ:

- Упавший лыжник — пропуск хода.
- Потерянная палка — 2 хода обратно.
- Сломанная лыжа — начать игру сначала.

Переведите на плотную бумагу фигурку лыжника, вырежьте и наклейте её на подставку.

Сделайте несколько таких фигурок и окрасьте их в разные цвета. Переведите, вырежьте и оклейте так же кубик.

В начале игры лыжники стоят наверху горы, около флагов. Начинаящий бросает кубик и двигает своего лыжника вперед на столько ходов, на сколько покажет кубик. Если лыжник встанет на край трамплина, он сразу же делает прыжок и заканчивает игру.

Выигрывает тот, кто первым пройдет всю дистанцию.

Игру составил Ю. БУГЕЛЬСКИЙ

На обложке — рисунок М. Бутровой. На обороте обложки — рисунок А. Ромодановской

Редколлегия: А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ
Художественный редактор Н. Попов. Рукописи не возвращаются. Технич. редактор З. Тышкевич

Год издания двадцать седьмой

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Суцёвская ул., 21.
2,8 уч.-изд. л.

Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06

Бумага 60×92¹/₈ = 1,5 бум. л. = 3 печ. л.

Подписано к печати 5/1 1951 г.

Тираж 250 000 экз.

А01102

Заказ 2408.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Суцёвская, 21.

977

